

УЧЕНИКИ И УЧИТЕЛЬ

Р.Б. Рыбаков
(г. Москва)

Начать я хотел бы с эпизода, где был не только свидетелем, но и – пассивно – участником. В один из последних приездов в Москву Святослав Рерих выступал, как обычно, в Музее Востока. Видел он в то время уже неважно, поэтому попросил меня зачитывать вслух записки с вопросами. К концу вечера я решил воспользоваться моментом и «зачитал» собственный вопрос – как отличить Учителя от лжеучителя? В наше время, когда все научились правильно и убедительно говорить, проблема стала, на мой взгляд, особенно острой.

Залу мой вопрос не понравился. Пошли перешёптывания, смешки, даже выкрики. Однако Святослав Николаевич глубоко задумался. «Это очень непросто», - сказал он решительно. И внезапно нашел ответ: правильно заповедано было: по делам их узнаете их!»

Старая христианская истина. Она вспоминается каждый раз, когда Интернет выплескивает очередную порцию хулы или славословий в адрес современного мыслителя, сына Турции, Фетхуллага Гюлена.

В последнее время апологетические книги о Гюлене стали выходить особенно часто, в том числе и на русском языке. Если когда-нибудь мне довелось бы писать о нем книгу, я начал бы её точно также как профессор Дж. Карролл – с истории своего знакомства с делом его жизни, с людьми его дела.

Мне довелось неоднократно (с 1966 года) бывать в Турции, общаться с сотнями людей разного социального статуса, разных политических убеждений. Могу сказать, что Турция, гостеприимно распахнутая для нас сегодня, напоминает ту, увиденную впервые, лишь изящными минаретами стамбульских мечетей

Сначала ненавязчиво, потом более целеустремлённо новые турецкие друзья стали знакомить меня с турецкими школами. И впечатляющая картина раскрылась перед глазами.

Под словом «школа» можно понимать три её ипостаси: здание, обучение, коллектив. Здания – все, без исключения, – огромные, светлые, просторные (как лучшие типовые школы у нас в советское время). Они набиты всяческими техническими наворотами – компьютерами, например, причём без всякой скученности. Все классы и кабинеты – яркие, разноцветные и очень радостные. Находиться в подобном здании значит быть в атмосфере постоянного праздника. Физкультурные залы, стадионы, огромные концертные залы – ничто не забыто.

Пребывание в этих стенах оставляет свой след в душах на всю жизнь. И стоит ли удивляться, что многие выпускники впоследствии возвращаются – на встречи одноклассников, проходящие регулярно, или приходят работать педагогами, или – едва ли не все – приводят своих детей. И, наконец, оказывают постоянную поддержку своей alma mater – в том числе и финансовую.

Замечу, кстати, что обучение платное, хотя и не запредельно дорогое; при этом существует система приёма и на бесплатной основе.

В одной из увиденных школ к основному зданию примыкает красивая современная мечеть весьма внушительных размеров. Это не могло не вызвать определённых вопросов, ибо религия полностью исключена из распорядка дня поленовских школ. Как оказалось, на строительстве мечети настоял богатый спонсор, оплативший полностью создание всего учебного комплекса. Но, подчинившись ему, руководители школы используют эту мечеть исключительно как школьную библиотеку. Молитвенная тишина царит в огромном зале с высоким куполом, подчёркиваемая шелестом переворачиваемых страниц...

Что касается обучения, то оно ведётся скрупулёзно по программам Министерства образования. Во время осмотра поленовских школ в Болгарии я задал «провокационный» вопрос – всем известно, что в прошлом турки и болгары, мягко говоря, имели друг к другу определённые претензии; как же преподаются века «османского ига» на уроках истории? Привожу дословный ответ: «Мы работаем по программам Министерства образования Болгарии, и историю у нас преподают болгарские учителя – мы не вмешиваемся в их уроки». Учтите при этом, что в классах сидят и турецкие дети, в том числе и дети руководителей этой школы, дети турок из Турции и дети болгарских турок.

Директор этой школы отмечает, что на раннем этапе обучения главной проблемой всё же является национализм – и турецкий, и болгарский – но это характерно только для самых первых месяцев обучения. Преподаватели из Турции с малейшим признаком антиболгарских настроений божалостно отсеиваются администрацией во время собеседования перед приёмом на работу.

И хотя все называют эту школу «турецкой», на флапштоке перед зданием только два флага – болгарский и Европейского Союза.

Подобное наблюдалось и в Индии. «Мы воспитываем их прежде всего как граждан Индии», – говорит директор поленовской школы, индианка. Она не поясняет, но известно, что на шкале самоидентификации у большинства индийцев осознание себя как граждан Индии стоит на последнем месте, после религии, касты, профессии, национальности (т.е. принадлежности к одной из народностей стран), языка.

Основным в обучении в поленовских школах является приобщение учеников к морально-нравственным ценностям, если хотите – ценностям общечеловеческим. Это звучит пафосно, но их учат доброте, взаимопониманию, ненасилию, открытости сознания, готовности к диалогу. Вот из этих маленьких граждан XXI века вырастают те молодые люди, которые уже сейчас занимают важное место в изменяющейся на глазах Турции. И не только Турции – поленовские школы «куют кадры» на всех континентах – в Европе, Азии, Африке, Америке.

И выросшие, и обучающиеся, и даже только переступающие порог этих школ – все они граждане мира эпохи глобализации. Многим глобализация видится как некий монстр, но, хотим мы этого или не хотим, она реальность, и школы, подобные новаторским, в том числе, поленовским, призваны придать ей пресловутое «человеческое лицо».

Третья ипостась школы – люди, составляющие её коллектив. Большинство учителей в школах Гюлена – люди, возраст которых не превышает 40 лет. Обязательное требование к учителям: они не должны курить и употреблять спиртные напитки.

После первого знакомства со школами мои друзья стали возить меня по домам спонсоров. Меня долго оттапливало слово «спонсор», пока я не понял главного и самого простого: спонсоры – это в массе своей же родители. Есть и исключения – просто богатые люди, задумавшиеся однажды о будущем своей страны и осознавшие, что все зависит от того, какими вырастут дети.

Спонсоры в подавляющем большинстве не олигархи, а средний класс, люди с высоким чувством социальной ответственности и предвидения. То, что они делают – осознанное строительство благополучного будущего своих детей и их сверстников.

следующие ответы: 1) высокая моральная нравственная атмосфера, иммунитет от наркотиков и вредных привычек (более 80% ответов); 2) ученики выходят из школы со знанием, как минимум, 4 языков (около 20%) и 3) высокая вероятность поступления в высшие учебные заведения, причём, как в своей стране, так и по всему миру (около 20% ответов). Это последнее выгодно выделяет эти школы во всех странах – уровень поступления их выпускников чрезвычайно высок, три четверти из них становятся студентами, хотя соревнуются и с другими и с частными, и с государственными школами.

Конечно, нельзя не учитывать, что мы являемся свидетелями не зарождения, а вполне зрелого этапа существования поленовских школ (многие из них работают уже более 20 лет).

Впрочем, знакомясь со школами и беседуя с родителями, учениками и спонсорами, я ещё не слышал о Гюлене. Имя его почти не упоминалось, портретов не было ни в школе, ни в домах, ни в офисах, цитаты из него, если где и были, то соседствовали с Эйнштейном, Менделеевым (!), Шекспиром... И лишь постепенно его усталое лицо стало проступать сквозь красочное разноцветие радостного мира его школ.

Многих на Западе пугает и раздражает тот факт, что Гюлен является исламским проповедником. На мой непросвящённый взгляд, его деятельность делает честь великой религии мусульман, ибо выявляет этический посыл, направленный всему человечеству. Его бескомпромиссная позиция в связи с трагедиями 11 сентября и Беслана исключает возможность тенденциозной оценки его гуманизма.

А многих в мусульманском мире отталкивает его общечеловеческая проповедь – при полном отсутствии ислама (как, кстати, и других, религий) в системе обучения в поленовских школах.

Не всем по душе и определённая близость Гюлена к наследию великих суфиев прошлого, прежде всего Дж. Руми. Самое удивительное, наверное, при этом, что живший 800 лет назад Руми оказывается таким современным сегодня, для нас всех, для всего человечества.

Последователи Гюлена доводят близость двух философов до абсурда, провозглашая: «Гюлен – это Руми сегодня!» (вам ничего это не напоминает?!). Разницу при этом они видят только в одном – Руми, обращаясь к миру, призывал: «Кто бы ты ни был, приходи!», а Гюлен говорит: «Кто бы ты ни был, я приду к тебе!»

Как индолог замечу, что есть ещё и третий вариант – Кришна в Бхагавадгите говорит верующему: «Каким бы путём ты не приближался ко Мне, я встречу тебя на полдороге...».

По правде говоря, мне лично более всего интересны не мнения о Гюлене, а живое воплощение его идей – школы, процветающие в разных странах и в разной культурной среде. Но чем больше меня окунали в атмосферу – в Турции ли, в Киргизии, в других странах, тем настойчивее становилось ощущение deja-vu.

Всё это уж было когда-то,

Да только не помню – когда?

Вырисовываются два ответа на это вопрос. Первый, совсем неожиданный, предложили сами администраторы этих школ и педагоги. Оказывается, ими использован опыт советских школ, причём совершенно сознательно. Давно у себя в стране я не слышал столько восторгов и комплиментов в адрес учителей нашего детства, в адрес нелюбимой мной когда-то, бесследно сплывшей и оставшейся лишь фоном старых добрых чёрно-белых фильмов советской школы.

Нам, вышедшим из недр «лучшей в мире» системы, вспоминается не только хорошее, но в просторных и солнечных коридорах поленовских школ выходцы из пионерского детства чувствуют себя как дома. И это не случайно – зачинателями в них нередко были «вчерашние русские», чаще всего из Средней Азии. Кабинетное обучение (кабинеты физики, химии и т. п.), опора на коллектив, лозунги (пусть иные, не идеологизированные), спортивные мероприятия, своеобразные состязания и даже... моральный кодекс строителя коммунизма на чистеньких стенах светлых классов (без ссылок, конечно, на первоисточник – но что в данном случае считать первоисточником?) – всё это в очищенном виде живёт и процветает в иное время и в иных землях.

Есть для меня и второе объяснение узнаваемости атмосферы увиденного в поленовских учебных заведениях – совпадение с опытом некоторых частных школ Индии. Мне эти совпадения сразу же бросились в глаза, но на это были свои причины.

Отвлечёмся ненадолго от Фетхуллага Гюлена и заглянем в Бангалорскую школу, создававшуюся под пристальным вниманием С.Н. Рериха, с тем, чтобы потом вернуться в день сегодняшней и в поленовские школы нашего времени. Для простоты и достоверности я просто приведу с сокращением написанное мною когда-то, не меняя, однако, ни одного слова.

Итак – «О Бангалорской школе и не только ней».

Существует она с 1962 года, многие воспитанники прошлых лет вернулись в неё преподавателями, другие привели в неё своих детей. Школа эта частная, но общий объём знаний даётся по государственному стандарту. На более чем 2100 учеников приходится примерно 130

Николаевичу, накопилось множество (учебники, дневники, фотографии, записи, пособия) – хочу остановиться лишь на некоторых, бросившихся в глаза и запомнившихся.

В школу принимают с трёх лет. Здесь проходит и детство, и юность – в одном здании, среди тех же товарищей, от детсадовского несмышлёныша до без пяти минут взрослого, без травматического разрыва, без смены обстановки и требований, в условиях спокойной поступательности развития.

Родители, узнав о существовании школы (в частности, из объявлений в газетах) приводят своих детей на беседу с директрисой. Эта первая беседа остаётся в памяти ребёнка как забавная игра – добрая тётя показывает ему картинки, шутит с ним, причём на его родном языке, немаловажная деталь для многоязычной Индии. Для директрисы же эта беседа – исходный момент определения личности будущего школьника. Показывая картинки, она отмечает его реакцию. Смеясь и играя, определяет степень его развития. Результаты беседы находят отражение в первом описании характера, со всеми плюсами и минусами. Записи эти она сохраняет навсегда, но ни родителям, ни детям, даже по прошествии времени, не демонстрирует.

Раскрытие личности, построения характера – вот цель школы. Не просто дать знания, а научить учиться. Научить думать, приучить размышлять («когда тебе нечего делать, то вместо прогулок, суеты, бессодержательных разговоров, сядь спокойно и, глядя на небо или на море, на деревья, постарайся сконцентрировать свои мысли на вопросах: Зачем я живу? Как надо жить? Чего я хочу и что нужно делать?»). Проводятся уроки медитации, уроки памяти. Один час в день советуют проводить в молчании, говоря лишь самое необходимое. Советы учителей бывают самыми неожиданными, как например: не хочется учить по учебнику, возьми сугобо научную книгу на ту же тему и заставь себя прочесть хотя бы половину; после этого учебник будет читаться легко и с интересом.

Наряду с общеобразовательными предметами учат йоге, учат терпению и терпимости, учат даже улыбаться. Не стыдятся проявлять свою любовь к детям, обнимают их, гладят, шутят – при этом нет ни чувства превосходства над учениками, ни избирательности, ни любимчиков. «Каким должен быть учитель?» – спросил я директрису. «Три момента важны, – ответила Адити Васишита, – самоуважение учителя, но и понимание относительности своей важности; самоконтроль, не позволяющий ни гнева, ни обиды; жизнь в соответствии с проповедуемыми принципами. И ещё одно, – добавила она, помолчав, – надо сделать так, чтобы учителя, у которых плохо дома, черпали бы силы в школе».

Моральное обучение ненавязчиво расцветает в этой атмосфере добра и взаимоуважения. То в виде ежедневно меняющихся «лозунгов» на стене, то утренней надписи на классной доске, то россыпью букв на обороте тетрадей или дневников (где у нас либо таблица умножения, либо Гимн Советского Союза сопровождают ребёнка изречения, заставляющие думать о несуетном. Вот некоторые из них, которые я второпях списал себе в блокнот.

«Наша жизнь должна управляться любовью к Истине и стремлением к Свету».

«Бесцельная жизнь всегда жалка».

«Нам, каждому из нас, предстоит сыграть определённую роль, выполнить определённую работу, занять место, которое только мы можем занять».

«Выше, всегда выше! Никогда не успокаивайтесь на достигнутом».

«Вы должны воздерживаться думать о тех, о которых вы не можете думать хорошо».

«В других мы находим то, что есть у нас, и если мы всегда видим вокруг себя грязь, значит где-то в нас самих есть грязь».

«Мир оглох от бесполезных слов».

«Какие бы трудности на нас ни обрушились, но если мы будем истинно спокойными, решение придёт само».

«Тело должно так же решительно отторгнуть болезнь, как разум отторгает лживость».

«Великая красота скрыта в простоте».

«Если вы сможете всегда улыбаться в жизни, то жизнь, в свою очередь, всегда будет улыбаться вам».

«Нет большего мужества, чем признавать свои ошибки».

«Переделайте себя, если вы хотите переделать мир».

Но, разумеется, моральное обучение не ограничивается разбросанными сентенциями. Оно идёт по хорошо разработанной программе, по специально написанным учебникам. Их читают дети дома, вперёд, а потом на уроках идёт обсуждение прочитанного материала, делаются попытки примерить его на себя. В младших классах читают истории всех времён, разбитые по разделам, например, истории о мужестве – какая возможность вспомнить и своих героев, и отдать должное героям других стран! Но учебник идёт дальше, и ребёнок узнаёт, что есть мужество не только физическое, но и ещё более трудное – внутренне, духовное. Мужество не согласиться, мужество заступиться, мужество Пойти против толпы. Другие главы рассматривают такие темы, как

- а рядом и совсем уже серьёзные темы: «Идеал», «Смерть» и т. д. Учитель не тратит время урока на изложение темы, его дело завязать и направить дискуссию, вовлечь в неё всех – и разве не учится при этом педагог у своих собственных учеников?»

Из моего рассказа может сложиться впечатление, что школа живёт по законам свободной вольницы. Это не совсем так, свобода это вполне управляемая, хотя, конечно, ни о какой палочной дисциплине и речи быть не может. Дискуссии и споры заканчиваются жёсткими экзаменами два раза в учебном году, кроме того, пять раз в конце каждого месяца проводятся тесты. Более того, ежемесячно на общем собрании выдают сертификат лучшим ученикам и особые «карточки успехов» тем, кто улучшил за этот месяц свои отметки.

И вот здесь я хочу остановиться на одном моменте, на мой взгляд, имеющем принципиальное значение. «Карточка успехов» выдаётся (под аплодисменты всей школы) не тому, кто обошёл других, а тому, кто превзошёл свои собственные результаты прошлого раза, не тому, кто «лучше всех», а тому, кто лучше самого себя. Я соревнуюсь не с зубрилкой Клавой с первой парты, а с самим собой прошлого месяца. И пусть Клава получила две «карточки успеха», а я только одну, но я поднялся над собой вчерашним!

И с этим связано ещё одно, очень тонкое обстоятельство: всем родителям раз в два месяца рассылается информация об успехах их чада и – внимание! – только положительная, чтобы ребёнок гордился свои табелем, а не стыдился его.

От родителей ждут помощи, чтобы не получилось так, что они сдали ребёнка, а дальше отдувается только школа; потихоньку воспитывают и их, рассылая им специальные педагогические бюллетени. Родителей приглашают в школу, и они рассказывают детям о своих профессиях. Если у них проблемы, то по субботам (день не учебный) они приходят к учителям и беседуют с ними без детей и без директрисы.

Кстати, ещё одна деталь. В каждом из двух зданий школы есть, помимо ведущих уроки педагогов, ещё по два учителя – один из них всегда сидит в кабинете и готов ответить на любые организационные вопросы, а другой ходит по этажам, чтобы прийти на помощь, если потребуется – вдруг, объяснили мне, у кого-то из учеников заболит голова или живот.

По субботам собираются все учителя, слушают лекции, обсуждают события в школе и в стране, обсуждают «Правила поведения» - не учащихся, а учителей! Вот некоторые из них:

- Никогда не требовать от других, чего не сделаете сами;
- Никогда не говорите ребёнку – это тебе пока нельзя, вот вырастешь, тогда...
- Школа – семья, страна – семья, человечество – семья.

Когда я рассказывал нашим российским педагогам о Бангалорской школе, почему-то всегда задавали один и тот же вопрос: о наказаниях. В очередной приезд в Бангалор я спросил об этом госпожу Адити Васихшту. И вот, что она ответила: «Мать (Мирра Ришар, сподвижница Ауробиндо – Р.Р.) учила, что наказание бессмысленно. Учитель должен поставить себя на место ребёнка и постараться понять, почему тот так поступил, ведь многие проступки – это просто ошибки. И удивительно важное, на мой взгляд – даже когда директрисе приходится вызывать «на ковёр» нашкодившего школьника, она обязательно улыбается ему и – самое главное – ребёнок разговаривает с ней сидя! Ни в коем случае нельзя унижать ребёнка, нельзя заставлять его стоять перед директорским столом – это правило соблюдается неукоснительно.

И последнее, самое трогательное, открывающее всю тонкость индийской души.

В школе принята форма, и за ношением её строго следят (другое дело, что в отличие от наших школ, у них есть свой портной, и поэтому их форменные платья не похожи на безразмерные балахоны). Прийти на занятия (кроме дополнительных в субботу) не в форме – невозможно. И только один раз в году каждый ученик приходит в обычной, не форменной одежде. Это происходит в его собственный день рождения. И он идёт по коридорам, и все поздравляют его: ведь школа – это большая семья. Как вся Индия. И как всё человечество».

Не правда ли - удивительное сходство? Выше я назвал это совпадением и думаю, что это именно так. «Юленовцы» в массе своей не знают о своих индийских единомышленниках, ни о школе Шри Ауробиндо, ни об экспериментах Ганди и Тагора, ни о целевой программе Свами Вивекананды. Просто они идут схожей дорогой к схожим целям.

Тем любопытнее было узнать о юленовских школах в Индии. В последние годы несколько таких школ начали действовать в крупнейших мегаполисах (Дели, Калькутта, Лакнау, Мумбаи и др.). Мне удалось побывать в двух из них – в Хайдерабаде.

Естественно, всё оказалось узнаваемым. И тут на первом месте атмосфера безграничной радости, переполняющей и детей, и взрослых, витающей в ярко раскрашенных кабинетах и выплёскивающейся на нас, случайных посетителей, своими расспросами, лишней раз дающими всем присутствующим возможность осознать, как прекрасно складывается жизнь. Радость бытия, радость учения!

Между тем, учёба требует не только бьющей через край радости, но и немало труда.

факультативно могут выбрать практически любой язык, включая арабский – вспомним, что в Хайдерабаде сильны мусульманские традиции.

Рассматривать «наглядную агитацию» на стенах коридоров и классов не менее увлекательно, чем в турецких школах. При этом ни в одной школе не повторяются её формы и нет засушенного чиновничьего словотворчества.

Коридоры в школах – продолжение классов, в них ненавязчиво преподносятся (хочешь – смотри, не хочешь – пробегай мимо) нужные ученику сведения по химии, биологии, устройству мира, а также, как и в школе Ауробиндо, морально-нравственные сентенции, советы, афоризмы...

Особенно меня заинтересовала доска «Вопрос - ответ», на которой вывешена любовно оформленная переписка учеников и преподавателей. И те, и другие задают вопросы – ученики учителям, учителя ученикам. Каждый адресат, получив вопрос, долго и скрупулёзно готовит письменный ответ и украшает его рисунками. В один прекрасный день «экспозиция» на доске полностью меняется, и вывешиваются подготовленные материалы – для всеобщего обозрения. И несколько недель висят они на этой доске, вызывая гордость написавших и интерес читающих. И снова начинает казаться, что уже видел нечто подобное, то ли в Турции, то ли в Болгарии.

Но, наверное, особенно интересно, чем отличаются хайдебадские школы от голоновских в Турции и ауробиндовской в Бангалоре.

Я бы выделил два момента. Во-первых, почти тотальным отсутствием турецкой символики. Здесь не превращают маленьких индийцев в особо увлечённых Турцией людей. Ни флагов с полумесяцем, ни турецких надписей – лишь кое-где одинаковые голубоватые панорамы Стамбула. Из сотен комнат, бюро, кабинетов, классов и других помещений только в одном портрет Ататюрка своего рода справочном бюро при одной из школ. Отец турок висит высоко в одном ряду с Отцом современной Индии – Махатмой Ганди (хотя смотрят они при этом в разные стороны).

Во-вторых, абсолютное отсутствие религии. Это принципиальная позиция. И если Индия, как страна множества языков, нашла полное отражение в школьных программах, то Индия многоконфессиональная, как родина многих религий, как «музей религий» – этой Индии в быту и учебном процессе голоновских школ Хайдерабада места не нашлось. Символике и обрядности научат этих детей семья и улица. А столь важный для Индии иммунитет против религиозного шовинизма и фанатизма привьёт им школа.

Замалчивание религий в индийском варианте школ Гюлена, замечу в скобках, напоминает мне решение министерства образования Турции полностью исключить из школьных учебников Турции упоминания о войнах с Россией – чтобы укреплять позитивный образ северного соседа.

Есть ещё одно отличие от бангалорской системы образования, которое понравилось мне больше. В голоновских учебных заведениях поощряется дух соревнования (может быть, это наше наследие, советское?) и объясняется по-своему логично – детей надо готовить к жизни, а жизнь в Хайдерабаде, городе высоких технологий (Кибербад называют его), зависит от выживаемости молодого поколения. Как, впрочем, и везде.

Что будет с учениками этих школ, как найдут они своё место в мире, пока сказать нельзя – школы существуют недавно, и выпускных классов ещё не было. Вольются ли выпускники в сложный и зачастую жестокий мир, поджидающий их за дверями двух маленьких школ? Хотелось бы надеяться.

Ф. Гюлен живёт сегодня – во всех смыслах этого слова. Без драматических эффектов, молленно, тихо, как садовник, он поменял внутреннюю жизнь своей страны, поменял до неузнаваемости и, в конечном счёте, вырастил поколение свободных людей.

И сейчас внимание притягивают не внешние атрибуты его личности (сигара Черчилля, трубка Сталина, цитатники Мао – маски по сути своей), а – результат. Как выглядит Гюлен, большинство не знают и вообще-то не интересуются. Он совсем не актёр, не режиссёр события, а конструктор процесса – незаметно приходят ученики в школы, тихо и с удовольствием учатся, уходят в жизнь, сами уже открывают новые школы. А в результате – другая страна. Другой мир.

Как отличить Учителя от лжеучителя? По делам узнаете их.